

Виктор Сергеевич ПЛЕТНИКОВ,

доцент кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического
университета им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург),
кандидат юридических наук, доцент

pvs80@mail.ru

ЯЗЫК И ПРАВО: СМЫСЛЫ И ДЕЙСТВИЯ

LANGUAGE AND LAW: MEANINGS AND ACTIONS

В статье акцентировано внимание на том факте, что на протяжении длительного периода ни законодатель, ни правоприменитель не обращают должного внимания на язык юридических актов. Особое внимание уделено возможным вариантам разрешения сложившейся ситуации. Аргументирована необходимость: в процессе подготовки будущих юристов-практиков обратить внимание на юридическую технику – дисциплину, которая должна обеспечить формирование навыков уважительного отношения к юридической терминологии; уделять больше внимания юридическим аспектам качества нормативно-правового акта, т.е. на системной основе применять знания о средствах и приемах юридической техники; использовать при формировании текста правового предписания возможности, предоставляемые принципами формирования модели в юриспруденции.

The article focuses on the fact that for a long period of time neither the legislator nor the law enforcer pays proper attention to the language of legal acts. Particular attention is paid to possible versions for resolving the current situation. So it's argued that it is necessary: to pay attention to legal technique - a discipline that should ensure the formation of skills of a respectful attitude to legal terminology in the process of preparing future legal practitioners; to pay more attention to the legal aspects of the quality of a legal act, i.e. to apply knowledge about the means and methods of legal technique on a systematic basis; to use the opportunities provided by the principles of model formation in jurisprudence when forming the text of a legal prescription.

Ключевые слова: язык права, ошибки в праве, юридическая техника, качество правового акта, юридические термины, модель в юриспруденции, принципы формирования модели.

Keywords: language of law, errors in law, legal technique, quality of a legal act, legal terms, model in jurisprudence, principles of model formation.

**Постановка проблемы: теория
и практика**

Язык, выступая в качестве знаковой системы, является способом (средством) передачи знаний от человека к человеку. Следовательно, он в своем развитии прошел столь же долгий путь, что и человек. К. Маркс писал: «Язык так же древен, как и сознание; язык возникает из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [6, с. 29]. Се-

годня без колебаний можно утверждать, что язык, его элементы (слово, словосочетание, предложение) напрямую связаны с мышлением и культурой человека и общества. Язык выступает в качестве некоторого кода, смысл и содержание которого известно только его носителям. Не наделенные соответствующим знанием субъекты лишены возможности включиться в общение. На основе языка формируются понятия и суждения. Как итог вы-

страиваются коммуникации между членами общества.

Право – как система общеобязательных формально определенных норм, выражающих меру свободы человека и устанавливающих каноны равенства и справедливости в обществе, принятых или санкционированных государством и охраняемых им от нарушений [8, с. 138], – является, так же как и, например, экономика, разновидностью языка на котором общается человечество, благодаря которому обеспечивается мирное сосуществование людей в социуме. Право является языком со своими смыслами и правилами. И в тех сферах, в которых государство посчитало это необходимым, единственно допустимым средством передачи информации, обеспечивающим мотивацию субъекта.

В современных условиях без явных изменений русского (государственного) языка «язык права» претерпевает существенные изменения. И связано это не столько со сферами общества, которые с учетом развития науки и техники оказались втянуты в сферу правового регулирования, сколько с изменением отношения к языку со стороны юристов, «правовая материя условна и изменчива, она не возникает сама по себе, а целенаправленно создается человеком» [4, с. 3]. Причем необходимо сразу указать, что эти изменения в отношении характеризуются отрицательной динамикой. Сегодня негативные тенденции прослеживаются не только в сфере право-реализационной и правоприменительной практики, они остро стали проявляться и в законодательной деятельности. Наверное, единственная сфера юридической деятельности, в которой пытаются сохранить бережное отношение к языку, – это толкование права.

Если обратиться к юридической практике и на конкретных примерах рассмотреть данную проблему, то становится очевидным, что сегодня фактически нет правил (алгоритмов), нормативных установлений, указывающих на пути решения проблем. В отдельных случаях, как

то – акты реализации права, законодатель заранее подразумевает, что лицо, которое с ним обращается, не имеет должного объема знаний русского языка, а следовательно, требований по его правильному (хотя бы с позиции правил русского языка) написанию не предъявляет, отдавая все на откуп правоприменителю.

Лишь в одном случае действующее законодательство предлагает модель поведения – ст. 200 ГПК РФ, ст. 179 АПК РФ. Известно, что если в тексте правового акта присутствует проблема (описка, опечатка, ошибка) – «материалами дела не подтверждается, что пробы испытанн**О**И провод**А** взяты от товара, проданного ответчиком по чеку 27.01.2022 N 0018»¹ – то их (ошибки) надо исправить. В этом случае следует обратиться с заявлением в суд для исправления ошибки. Правда, при этом следует потребовать именно исправления ошибки, в ином случае этого сделано не будет.

В ст. 179 АПК РФ также обращено внимание на проблему неясности решения (неясность, как известно, возникает из-за проблем с языком) и сказано, что суд вправе разъяснить такое решение без изменения его содержания. При этом следует иметь в виду, что в значительном числе случаев такого рода разъяснения необходимы параллельно с исправлением ошибок. Но как быть, если такого рода коррективы несут изменение содержания? Например: «между тем, указанный документ**Т** (чек – В.П.) не подтвержд**А**Ют факт продажи предпринимателем товара ненадлежащего качества»². Не понятно, о чем говорит суд, и какие документ/документы он имеет в виду. Предыдущий абзац постановления содержит обращение к чеку N 0018, но даже начинающий юрист знает, что чек – это документ, подтверждающий факт заключения договора/перехода права, не более. Для подтверждения факта продажи некачественного товара в соответствии с действующим гражданским законодательством нужны результаты экспертизы. Суд (далее по тексту постановления) не принимает их к сведению, ссылаясь на тот

1 Постановление 10АП-23152/2022 г. 02.12.2022 по делу N А41-57343/22. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1d01cc5a-f7fc-438b-9e77-ff2fec842161/fa6375e3-6f4a-4278-b142-db026e619ed9/A41-57343-2022_20221202_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 14.02.2023).

2 Там же.

факт, что «истцом не представлены надлежащие доказательства в подтверждение продажи ответчиком товара с существенными нарушениями требований к его качеству»¹. Но в российском законодательстве нет акта-документа, который бы подтверждал продажу ответчиком товара с существенными нарушениями требований к его качеству.

В данном случае вряд ли можно говорить просто о грамматической ошибке либо необходимости разъяснить неясное решение суда. А с учетом того обстоятельства, что это решение апелляционной инстанции, можно утверждать, что суд не видит в такого рода содержании акта никакой проблемы, т.е. смысл решения и действия будущих исполнителей в сознании судьи имеют конкретное содержание.

Но это не единичный случай, когда судья забывает о требованиях действующего отечественного законодательства, согласно которым «решение должно быть изложено языком, понятным для лиц, участвующих в деле, и других лиц».

Если условно спустимся на ступеньку ниже и обратим внимание не на орфографическую ошибку, а на фактическую или логическую, то на данном уровне нормативно установленных правил нет. Если, конечно, не обращаться за помощью в вышестоящие инстанции, апелляцию и кассацию. Но и здесь «компетентный» уполномоченный субъект не спешит вносить ясность в текст принятого решения. Так, в постановлении N 17АП-10526/2020-АК от 30 октября 2020 г. по делу N А60-72822/2019 апелляционная инстанция оставила требования ответчика без удовлетворения, хотя фактические обстоятельства дела в решении изложены неверно; в апелляционном определении судьи судебной коллегии по административным делам Московского областного суда от 21 марта 2022 г. по делу N 33а-8533/2022 одновре-

менно предписывается «разрешить вопрос по существу» и «возвратить административное исковое заявление». Такого рода ошибки остались в тексте итогового акта, и он вступил в силу.

В данном случае оппоненты, конечно, могут возразить: не доказано, не аргументированно, односторонний взгляд на проблему.

В случае же с языком законодательных актов все выглядит однозначно и, так же как в ранее приведенных примерах, демонстрирует отсутствие нормативно установленных правил разрешения возникших языковых проблем. Например, ситуация с двумя законами – Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции», в которых фактически один и тот же вид деятельности имеет два различных названия: оперативно-рОзыскная деятельность и оперативно-рАзыскная деятельность.

На практике, с учетом качества правового регулирования, актуальности, множества вопросов, возникающих в процессе реализации норм, как верно указывает Е. Сурначева, «разницу двух букв логично назовут ерундой»² и никто не будет использовать (до поры до времени) это расхождение в процессе отстаивания правовой позиции. Законодатель же, ученые должны решать проблемы и такого рода, иначе в конечном итоге практикующие юристы должны будут вершить правосудие по совести, за неимением норм, однозначно регулирующих общественные отношения.

Сегодня, вместо того чтобы разрешить явно выраженную, существующую с 2011 г. проблему языка права, законодатель ее усугубляет³. Можем наблюдать, что в результате принятых в декабре 2022 г. изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ⁴ появляется еще одна проблема такого же рода. Теперь в уголовно-процессуальном законо-

1 Постановление 10АП-23152/2022 г. 02.12.2022 по делу N А41-57343/22..

2 Сурначева Е. Полиция против Розенталя. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2011/02/10_a_3519978.shtml.

3 Хотя ранее, по мнению А.В. Безрукова, М.А. Митюкова, законодатель подвергал каждое юридическое понятие более серьезной проработке [2].

4 Федеральный закон от 29.12.2022 N 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.01.2023, N 1 (часть I), ст. 57.

дательстве фигурируют понятия «видеоконференц-связь» (ст. 35, 389.12, 389.13, 399 УПК РФ и др.) и «видео-конференц-связь» (ст. 108, 189.1, 241.1, 253, 258 УПК РФ и др.). Наверно, еще осталось обратиться к Википедии и написать видеоконференцсвязь¹ или чего хуже видео-конференцсвязь.

В такой ситуации пренебрежительного отношения к правилам оформления законодательных актов в конечном итоге и правоприменитель может посчитать возможным действовать аналогичным образом по отношению к принятым законам – «избирательное правоприменение». Но, наверно, намного важнее в такой ситуации, что ныне действующие законы когда-то станут правовыми памятниками, и наши потомки будут их изучать, пытаться понять. Как известно, слово напрямую связано с конкретным предметом (явлением, процессом или состоянием) реального мира, оно определяет будущую коммуникацию. А если учесть, что в разных культурах термины имеют серьезные различия, то, как гласит гипотеза Сепира-Уорфа, – говорящие на разных языках по-разному воспринимают мир [3].

Предложения по совершенствованию смыслов и организации действий

При этом, как было сказано ранее, готовых решений проблемы нет. По крайней мере, юридическая практика их не предлагает. Хотя, если обратим внимание на тот факт, что юриспруденция – это не только юридическая практика, но еще и юридическая наука, а также юридическое образование [1, с. 93-98], ответ лежит на поверхности.

Во-первых, необходимо больше внимания уделить в процессе обучения будущих юристов не методике контроля и надзора, а собственно практике совершения первичных юридических действий (операций). Учебной дисциплиной, которая обеспечивает формирование необходимых компетенций будущего юриста, позволяет ему в дальнейшем

качественно и рационально осуществлять юридическую деятельность, является юридическая техника [10, с. 29-32]. Именно юридическая техника должна стать после освоения базовых, методологических начал (теории и истории государства и права) основной учебной дисциплиной и выступать в качестве обязательной в процессе подготовки юриста. В процессе ее изучения студент-юрист имеет возможность понять, что в основе юриспруденции, основным его орудием в профессиональной юридической деятельности является СЛОВО (основа языка права); юрист должен знать, когда ему следует промолчать, а когда молчание будет равнозначно проигранному юридическому делу. Причем преподавание юридической техники должно вестись с учетом двух подходов: документационного и деятельного, т.е. она должна стать не общетеоретической дисциплиной, а прикладной.

На практике ситуация складывается по-разному. Так, в трех флагманах юридического образования в России – Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Саратовская государственная юридическая академия – данная дисциплина реализуется, но даже здесь ее реализация во многом зависит от образовательной программы. На официальных сайтах других вузов и юридических факультетов страны, проанализировав их образовательные программы, видим, что ситуация не столь радостная. Например, в Юридическом институте Кемеровского государственного университета², Юридическом институте Томского государственного университета³ юридическая техника как самостоятельная учебная дисциплина не реализуется. Хотя отдельные ее элементы представлены в учебном плане.

Во-вторых, данная ситуация наглядно демонстрирует то, что профессор Н.Н. Тарасов назвал «катастрофой понятий».

1 Понятие «видеоконференцсвязь». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.02.2023).

2 Кемеровский государственный университет. URL: <https://kemsu.ru/sveden/education/> (дата обращения: 14.02.2023).

3 Томский государственный университет. URL: <https://www.tsu.ru/sveden/education/eduop/> (дата обращения: 14.02.2023).

В советской и постсоветской России (первые годы ее существования) наука и право, построенное на научно обоснованных, аргументированных и выверенных положениях, выступали в качестве сакрального источника, те научные знания и законодательные установления, которые ученые во взаимодействии с политиками предлагали широкой общественности, во многом воспринимались на веру. Общество не задавалось даже вопросом: почему именно так? Воля государства, отражающая интересы общества в целом, не может быть дефектной, его (государства) требования должны быть воплощены в повседневную жизнь.

В ситуации, которая складывается сегодня, когда законодатель очень редко обращается к научной общественности, а одним и тем же явлениям и процессам дает разное наименование, ряд субъектов, имеющих свои, порой меркантильные, интересы и цели, использует данное положение для их реализации. При этом в общественном сознании в результате наблюдения за происходящим возникают вопросы, связанные с корректностью, качеством, необходимостью такого правового регулирования общественных отношений, возможностью отказа от сложившихся моделей правового регулирования.

Если же двигаться по направлению, заявленному в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», законодателю необходимо осознать, что текст закона (юридические термины и понятия, модели и конструкции), который лежит в основе организации правовой жизни, должен быть качественным. Иначе любые благие начинания не будут реализованы. Законодателю необходимо помнить как о социальной, так и юридической стороне качества правового предписания. А сегодня приходится с сожалением констатировать, что законодатель в стремлении обеспечить прогрессивное воздействие на общественные отношения, адекватное

отражение в нем происходящих в обществе процессов и их развитие забывает о юридическом аспекте качества нормативно-правового акта – о соответствии правилам юридической техники.

И, в-третьих, чтобы обеспечить высокое качество правовых нормативных установлений особое внимание следует уделить тем принципам, которые лежат в основе формирования модели в юриспруденции. Ответственный подход к созданию правовых установлений, согласно принципам модели в юриспруденции, обеспечит высокое качество правовых текстов.

Как известно, при подготовке текста правового предписания необходимо руководствоваться следующей логикой, обратить внимание на такие блоки принципов:

1) первый блок представлен целенаправленностью – принципы, связанные с направлением (природой) цели деятельности субъекта;

2) второй блок включает две группы принципов – принципы, применяемые к содержанию и форме модели;

3) третий блок – группа принципов, благодаря следованию которым обеспечивается соответствие результата формирования модели применяемым нормам (нормативность);

4) четвертый блок – принципы проверки качества формирования модели в праве (контроль и связь с практикой) [подр.: 7].

В современных же условиях приходится с сожалением констатировать, что без должного внимания остается третий блок принципов. Как сказал Л.С. Мамут, «нормативы, по которым существует и функционирует прямое правовое общение, коим руководствуются участвующие в нем субъекты, имеют всегда» [5, с. 47]. Затянувшаяся смена в современном российском обществе и государстве норм/нормативов/ценностей (и не только правовых) не позволяет качественно и в полной мере работать над текстами правовых предписаний. Ярким подтверждением сказанного являются изменения, внесенные 28 февраля 2023 г. в Федеральный закон

«О государственном языке Российской Федерации»¹. Теперь «при использовании русского языка как государственного языка ... должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка», которые зафиксированы в нормативных словарях, справочниках и грамматиках, списки, которых утверждаются Правительством России. Вот те нормативы, введение которых должно обеспечить некоторую системность в использовании юридической терминологии в правовых текстах.

Главное, чтобы было принято принципиальное волевое властное решение о корректировке уже принятых правовых норм.

При таком развитии ситуации и у контрольно-надзорных органов и инстанций появляется ориентир, основа, опираясь на которую они могут с уверенностью требовать от нормотворческой инстанции действий по корректировке текста правового предписания и приведению его в соответствии с нормативами. Таким образом, должно произойти и усиление внимания по отношению к принципам проверки качества формирования модели.

Подводя итог, видим, что современная юриспруденция постепенно возвращается к своим истокам, системно-структурная ее организация (юридическая наука, образование и практика) начинает давать свои плоды. Для юридической практики создаются не без помощи ученых нормативы и не только в рамках правотворческого процесса (регламенты), но и нормативы юридико-технического характера. Но этого на современном этапе развития юриспруденции недостаточно. Мало установить нормативы, как это сделано, например, в Федеральном законе от 28 февраля 2023 г. N 52-ФЗ. Нормативы нужно правильно использовать, следует установить (пропи-

сать) соответствующие технологии работы с ними. А во вносимых изменениях речь идет о «нормативных словарях ...», но нет даже раскрытия понятия «нормативный словарь», не говоря уже об ответах на вопросы: как и каким образом им пользоваться; каков его характер, границы (сферы юридической деятельности, виды актов и т.д.) его применения?

При этом не следует забывать и о богатстве русского языка, в котором помимо орфографии есть и другие разделы: грамматика, лексикология, стилистика и т.д. А эти нормы, в свою очередь, сильно зависят от тех идеологем, которые существуют в конкретном обществе. Но, как известно, в России отсутствует официальная идеология, а политических партий и их представителей в органах власти значительное число. Следовательно, каждый представитель политической элиты в теории может, а в ряде случаев и закладывает при создании нормативного правового установления отличные смыслы в правовые тексты. Как известно, уметь выбрать из множества существующих правовых идей именно ту, которая окажется путеводной нитью, – это мастерство, а если она еще и укажет правильную дорогу – это высшее мастерство, искусство [9, с. 9].

Только если в современном российском государстве будут должным образом сформированы и оформлены нормативы его деятельности, можно надеяться, что оно сохранится и будет приносить пользу российскому обществу. В ином случае, при отсутствии нормативов, механизмов реализации нормативов, придется регулярно сталкиваться не только с проблемой подготовки текста закона, но и с низким качеством правовых установлений, проблемами формирования правомерного поведения.

1 О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»: Федеральный закон от 28.02.2023 N 52-ФЗ.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы теории государства и права : учебник. – М.: Юстиция, 2019. – 440 с.
2. Безруков, А.В. Становление российского парламентаризма: от Верховного Совета к Федеральному Собранию. «Часть 2. Федеральный конституционный закон как новелла российского парламентаризма» (по материалам конституционного совещания) / А.В. Безруков, М.А. Митюков // Личность, право, государство. – 2019. – N 2. – С. 3-48.
3. Брутян, Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа : лекция, прочитанная в Лондонском ун-те в 1967 г. / Г.А. Брутян. – Ереван: Луйс, 1968. – 66 с.
4. Губаева, Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. – М.: Норма, 2007. – 160 с.
5. Мамут, Л.С. Правовое общение: очерк теории / Л.С. Мамут. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 80 с.
6. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1954. – Т. 3.
7. Плетников, В.С. Принципы познания (формирования) модели в юриспруденции / В.С. Плетников // Личность, право, государство. – 2017. – N 3. – С. 11-41.
8. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 552 с.
9. Хазова, О.А. Искусство юридического письма / О.А. Хазова. – М.: Юрайт, 2012. – 181 с.
10. Юридическая техника : учебник / под ред. В.М. Баранова. – М.: Проспект, 2023. – 648 с.